

Лариса ЗАХАРОВА

ЗНАЧЕНИЕ КРЕСТЬЯНСКИХ ВОЛНЕНИЙ В ЭСТОНИИ 1858 г. В ИСТОРИИ ПОДГОТОВКИ ОТМЕНЫ КРЕПОСТНОГО ПРАВА В РОССИИ

Крестьянское движение 1858 г. в Эстонии («Война в Махтра»), от которого нас отделяет 125 лет, имело общероссийское значение. В литературе, особенно в работах Ю. Ю. Кахка, исследована история классовой борьбы эстонских крестьян против своих помещиков, ее место и роль в назревании первой в России революционной ситуации конца 50-х — начала 60-х годов XIX века.¹ В этой статье ставится задача раскрыть влияние крестьянского движения в Эстонии на взгляды правящей бюрократии и Александра II, на расстановку сил в «верхах», на политику правительства в ходе подготовки отмены крепостного права, показать значение классовой борьбы крестьянства Эстонии в пересмотре и изменении правительственной программы реформы, признании 4 декабря 1858 г. журналом Главного комитета идеи выкупа крестьянами наделенной земли в собственность.

Влияние крестьянского движения в Эстонии на ход подготовки отмены крепостного права в России в полной мере может быть понято только в связи с отношением правящих «верхов» к «остзейскому опыту» освобождения крестьян. В исторической литературе вопрос об отношении представителей российской бюрократии и общественных деятелей к «остзейскому варианту» ставится и в определенной степени решается. Более полно он освещен в работах Ю. Ю. Кахка и М. М. Духанова, в которых раскрывается политика остзейского дворянства в 50—70-х гг. XIX в.² Однако значение «остзейского опыта» в истории подготовки реформы 1861 г. еще требует изучения.

Опыт освобождения крестьян в Прибалтике (реформы 1816—1819 гг., «остзейский опыт») оказался в центре внимания и правящей бюрократии, и представителей общественной мысли в середине XIX столетия, когда решение крестьянского вопроса стало практической потребностью жизни, первой и неотложной задачей преобразований. Одни воспринимали «остзейский опыт» как модель предстоящей реформы во всех губерниях России, другие, напротив, отвергали это значение и утверждали локальный характер законодательных мер по освобождению крестьян в Прибалтике.

Отношение бюрократии и общественных деятелей России к «остзей-

¹ Кахк Ю. Ю. Крестьянское движение 1858 года в Эстонии («Война в Махтра»). Автореф. канд. дис. Л., 1954; Кахк Ю. Ю. Крестьянские волнения 1858 г. в Эстонии. — История СССР, 1958, № 3, с. 129—144; Кахк Ю. Ю. Эстония в общероссийской революционной ситуации конца 1850-х — начала 1860-х годов. В кн.: Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1965, с. 259—283.

² Kahk, J. 1858. aasta talurahvarahutused Eestis, Mahttra sõda, Tallinn, 1958; Кахк Ю. Ю. Крестьянские волнения 1858 г. в Эстонии...; Кахк Ю. Ю. Эстония в общероссийской революционной ситуации...; Духанов М. М. Политика остзейского дворянства в 50—70-х гг. XIX в. и критика ее апологетической историографии. Автореф. докт. дис. Рига, 1974; Духанов М. М. Остзейцы. 2-е перераб. и допол. издание. Рига, 1978.

скому опыту» освобождения крестьян стало определяться в 40-х — первой половине 50-х годов. Внимание к этому вопросу стимулировалось открытием в Петербурге в марте 1846 г. Лифляндского комитета по крестьянскому делу, принятием и проведением в жизнь нового Лифляндского Положения 1849 г., несколько смягчавшего, «исправлявшего» тяжелые последствия обезземеливания крестьян; сами эти законодательные меры правительства были вызваны волнениями крестьян в Лифляндии в начале 40-х годов, которые ясно указывали на несостоятельность безземельного освобождения крестьян по Положению 1819 г. Интерес к «остзейскому опыту» еще более возрос в связи с принятием нового Эстляндского Положения в 1856 г. — непосредственно накануне подготовки отмены крепостного права в России.

Западники, славянофилы и либеральная бюрократия отвергали возможность решения крестьянского вопроса для России в целом путем безземельного освобождения крестьян по «остзейскому образцу». Напротив, консерваторы и «крепостники», вынужденные смириться с неизбежностью отмены крепостного права (после Крымской войны), видели в «остзейском образце» приемлемый вариант предстоящей реформы.

Полнее других общественных деятелей свое мнение относительно «остзейского опыта» выразил Ю. Ф. Самарин, который в молодые годы служил в Прибалтийском крае. Ему принадлежит малоизвестная в литературе записка «Заключение к историческому обозрению уничтожения крепостного права в Лифляндии». Она составлялась по поручению министра внутренних дел Л. А. Перовского в связи с открытием в Петербурге Лифляндского комитета в 1846 г., к которому Самарин был прикомандирован в качестве переводчика и помощника делопроизводителя. Самарин дает в этой записке отрицательную характеристику Лифляндского Положения 1819 г., в основе которого «приняты два начала: личная свобода крестьянина и неограниченное право собственности помещика на землю». Он считает, что «свобода эта может быть названа отвлеченной», так как лишение земли несовместимо «с существованием самостоятельного крестьянского сословия». Задачу, стоявшую перед Лифляндским комитетом при разработке нового законодательства, Самарин видел в признании права свободного крестьянина на землю³. В дальнейшем, в своей известной записке 1856 г. «О крепостном состоянии и о переходе из него к гражданской свободе», Самарин сформулирует конечную цель отмены крепостного права в России как выкуп надельной земли у помещиков и передачу ее в полную собственность крестьянского мира⁴. Самарин станет одним из главных составителей законодательства 19 февраля 1861 г: Убеждение в необходимости наделения крестьян землей при отмене крепостного права в России, в недопустимости безземельного освобождения крестьян по образцу реформ 1816—1819 гг. в Прибалтийских губерниях разделяли и другие славянофилы, а равно и западники (К. С. и А. С. Аксаковы, А. И. Кошелев, В. А. Черкасский, Б. Н. Чичерин, А. М. Унковский и др.). Особенно аргументированно и ярко это убеждение проводится в записке К. Д. Кавелина «Об освобождении крестьян в России» (составлялась в первой половине 50-х годов, закончена летом 1855 г.), которая оказала большое влияние на разработку правительственной программы реформы 1861 г.⁵

Идея обязательного наделения крестьян землей наряду с сохранением помещичьего землевладения при решении крестьянского вопроса для России в целом, в отличие от локального прибалтийского варианта, была общей в построениях всех сторонников преобразований. Эта исход-

³ Самарин Ю. Ф. Сочинения, т. II. (Крестьянское дело до высочайшего рескрипта 20 ноября 1857 года.) М., 1878, с. 436—438.

⁴ Там же, с. 90, 97, 109, 115—116, 133—135.

⁵ Кавелин К. Д. Собр. соч., т. II. СПб., 1898, с. 9—87.

ная позиция в предстоящей реформе была осознана и сформулирована представителями бюрократии определенного направления на протяжении 30—50-х годов XIX в. от П. Д. Киселева до Н. А. Милютина и его сторонников.

Еще в 1833 г. Киселев в записке «По предмету неотъемлемости от лифляндских крестьян их участков» отмечал, что Положение 1819 г., освободив крестьян, предоставило помещикам «право распоряжаться крестьянскими землями по своему усмотрению, как полною своею собственностью», и тем самым нарушило вековые традиции, установленные вакенбухами конца XVII в., а затем Положением 1804 г. Эти законы утверждали неотъемлемость от крестьян их участков и сначала исключали, а затем твердо ограничивали отрезку крестьянских земель для присоединения их к мызным, помещичьим. Происходящее от безземельного освобождения 1819 г. «для крестьян стеснение есть одною из главных причин их неудовольствий и жалоб, как видно из сделанных в отвращение сего на Ландтаге и генерал-губернатором особых предположений», — заключал свою записку Киселев⁶. Цель составления этой записки — доказать председателю Государственного совета князю И. В. Васильчикову несправедливость и недопустимость отторжения от крестьян их участков и присоединения их к мызам. Это очевидно из письма Киселева Васильчикову от 6 июля 1833 г., к которому и прилагалась цитированная выше записка⁷. В дальнейшем, во второй половине 30-х—40-х годов, Киселев разовьет свои взгляды в ряде программных документов в связи с подготовкой реформы государственной деревни и деятельностью Секретных комитетов того времени и выдвинет программу общей инвентаризации помещичьих имений (неотчуждаемость крестьянской наделной земли и регламентация существующих повинностей в сторону уменьшения) как переходный этап на пути к отмене крепостного права. Это направление пустило корни в среде бюрократии 40-х годов. Как свидетельствует записка Васильчикова от 1 марта 1846 г., и он сам и министр внутренних дел Перовский видели в инвентарях путь к освобождению крестьян.⁸

Материалы, поступавшие от местной администрации, говорят о том, что и в ее среде находились убежденные противники проведенного в Прибалтийских губерниях освобождения крестьян без земли. В этом отношении очень интересны «всеподданнейшие» доклады рижского военного и курляндского, лифляндского и эстляндского генерал-губернатора Николаю I за 1842 г., т. е. за год, непосредственно следовавший после крестьянских волнений 1841 г. во вверенном ему крае. Возможность успокоить «расположение умов» крестьян, предупредить новые «беспокойства» он видит в первую очередь в ограничении права помещиков распоряжаться крестьянскими землями и в уменьшении барщины. Генерал-губернатор отмечал, что часть лифляндского и эстляндского дворянства сознает необходимость этих мер, что противодействие другой его части не заслуживает внимания и доверия царя⁹. Предупреждая Николая I, что дворянский Конвент в Риге поручил тайному советнику Ландрата барону Мейендорфу принести жалобу на «высочайшее имя» по поводу принятых в крае мер к ограничению злоупотреблений помещиков, генерал-губернатор пишет: «Полагаю я, что он (барон Мейендорф — Л. З.), если бы во время волнения крестьян в прошлом году был бы в Лифляндии, едва бы принял на себя поручение о принесении таковой жалобы, ибо он, возвратясь только из Парижа и намереваясь опять

⁶ Центральный государственный исторический архив (ЦГИА) СССР, ф. 651 (Васильчиковых), оп. 1, д. 270, л. 2—3.

⁷ ЦГИА СССР, ф. 651, оп. 1, д. 270, л. 1.

⁸ Там же, д. 241, л. 1—18 об.

⁹ Там же, д. 267, л. 24—34, 54 и др.

отправиться туда, узнал о причинах недовольствий здешних поселян не чрез собственный опыт, а потому, о средствах к устранению оных и о моем распоряжении, может делать только одностороннее, сообщенное ему недовольными, заключение»¹⁰. Это написано после того, как генерал-губернатор получил через министра внутренних дел «высочайшее предписание» от 11 июня «поставить ему «на вид» успешные действия в крестьянском вопросе. «Высочайшее» замечание не поколебало уверенности генерал-губернатора в своей правоте. И, видимо, для этого были основания. Пройдет несколько лет и для Лифляндии будет принято Положение 1849 г., которое отчасти откорректирует проведенное в 1819 г. освобождение крестьян без земли. А эстляндские дворяне, которым удалось задержать принятие аналогичного закона в своей губернии, а потом и вовсе отказаться от подобных уступок (Положение 1856 г.), окажутся в 1858 г. перед фактом разразившихся крестьянских волнений, известных в народе под названием «Война в Махтра».

Правительственная политика в крестьянском вопросе в 40-х годах XIX в., казалось, подходила к отрицанию возможности его решения на основе «остзейского опыта» 1816—1819 гг. Об этом свидетельствуют принятие нового Лифляндского положения 1849 г., проведение преобразований в Юго-Западном крае на основе инвентаризации помещичьих имений — Бибиковские инвентари 1847—1848 гг. в Киевской, Волынской и Подольской губерниях. Об этом свидетельствуют также наивные надежды Николая I на распространение и внедрение перестройки помещичьих имений на основе указа 2 апреля 1842 г. об обязанных крестьянах. Именно по его поручению Киселев составил в 1846 г. записку «Об устройстве образцового обязанного имения» (Грибановское имение Московской губернии). Но эти робкие попытки приступить к решению крестьянского вопроса оборвались с наступлением полной победы реакции в конце 40-х — начале 50-х годов. Когда же в середине 50-х годов с новой, небывалой ранее остротой встанет на повестку дня крестьянский вопрос, то «остзейский опыт» в среде бюрократии вновь и с еще большей, чем прежде, силой получит значение примера отрицательного или положительного, в зависимости от взглядов и идейно-политических позиций спорящих сторон.

Либеральная бюрократия нового поколения и ее лидер Н. А. Милютин, считая себя преемниками и продолжателями Киселева, действительно отрицательно восприняли «остзейский опыт». Однако в условиях наступившего после поражения в Крымской войне общественно-политического кризиса в стране они раздвинули свою программу за пределы реформирования феодальных отношений на основе инвентарей, поставив цель осуществления выкупа крестьянами надельной земли в собственности. Такова записка Милютина «Предварительные мысли об устройстве отношений между помещиками и крестьянами» (7 октября 1856 г.)¹¹. Написанная по просьбе великой княгини Елены Павловны для преобразований в ее имении Карловка Полтавской губернии, она сыграла в дальнейшем, в ходе подготовки реформы, роль модели, макета, на котором разрабатывались и уточнялись основные принципы законодательства 1861 г. Эта записка утверждала в конечном итоге необходимость наряду с сохранением помещичьего землевладения создания крестьянской земельной собственности, сосуществование в новых пореформенных условиях помещичьего и крестьянского хозяйств; она предупреждала об опасности для государства пролетаризации крестьянства в случае лишения его земли. Сопоставление записки Милютина 1856 г. о Карловке с запиской Киселева 1846 г. об образцовом обязанном Грибановском

¹⁰ ЦГИА СССР, ф. 651, оп. I, д. 267, л. 57.

¹¹ Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР) СССР, ф. 722 (Мраморного дворца), оп. I, д. 230, л. 1—22.

имени выявляет качественный скачок в преимущественном развитии программ этих двух видных реформаторов-бюрократов, представлявших, однако, разные поколения и разные эпохи. Но при всем отличии неприятие «остзейского образца» оставалось общим. Это очень точно выражено в записке Д. А. Милютина об упразднении крепостного права в России, относящейся к середине 50-х годов. Под пунктами 6 и 7 автор пишет: «Во всех трех Остзейских губерниях крестьяне и дворовые получили личную свободу без всякого выкупа или вознаграждения помещиков за крепостное право, но вся крестьянская земля оставлена в полную собственность помещиков. Освобождение крестьян без земли в наших Остзейских губерниях уже показало неудобство, невыгоду, даже опасность этой меры и необходимость упрочить за крестьянами обрабатываемые ими на себя земли. Поземельное Положение для лифляндских крестьян 1849 г. старается достигнуть этого ограничением права помещиков обращать крестьянские земли в мызные и открытием крестьянам способов выкупа земель. Последняя мера, однако же, сколько известно доселе имела мало успехов»¹².

Но это направление либеральной бюрократии, признавшей отмену крепостного права на основе выкупа крестьянами надельной земли в собственность, не было официально принято до конца 1858 г. Первая правительственная программа реформы, ставшая гласной, рескрипт виленскому генерал-губернатору В. И. Назимову от 20 ноября 1857 г. и последовавшие за ним рескрипты другим начальникам губерний, окончательно не решала земельный вопрос. При ее разработке товарищ министра внутренних дел А. И. Левшин пользовался и Положениями об освобождении крестьян Прибалтийских губерний, и инвентарями. Следы эклектичного сочетания различных элементов этих узаконений отразились в содержании рескриптов. Рескрипт провозгласил право помещиков на всю земельную собственность, признав за крестьянами только право выкупа усадеб. Основной вопрос — судьба надельного землевладения — окончательно в рескрипте не определен. Крестьянам предоставлялось право пользования наделом, однако при этом отсутствовали термины: «вечное» или «постоянное», что не давало оснований считать надел неотъемлемым от крестьян и конечную перспективу массового безземельного освобождения крестьян по «остзейскому образцу» исключенной.

За несколько месяцев до рескрипта в программной записке Министерства внутренних дел от 26 июля 1857 г. Левшин, ее автор, писал: «Мы можем дело постепенно устраивать, не прибегая ни к новым теориям, ни к примерам чужих государств, где окончательное разрешение этого вопроса большею частью совершалось насильем и непредвиденными политическими переворотами. У нас, напротив того, в трех Остзейских губерниях освобождение помещичьих крестьян исполнено тихо, последовательно в течение полувека, при содействии как правительства, так и дворянства. В начале были сделаны ошибки, приняты меры неудобные, но они исправлялись, законоположения изменялись, и, наконец, в минувшем 1856 году для Эстляндской губернии издано третье и окончательное положение о крестьянах. Такое же скоро будет обнародовано и для Лифляндской губернии»¹³. Левшин поторопился с выводами. Он писал о законе принятом, но еще не проверенном жизнью (Положение 1856 г. для Эстляндии). Менее чем через год, весной — летом 1858 г., реализация нового Эстляндского положения вызовет повсеместные волнения эстляндских крестьян. И главный аргумент в пользу эстляндского (и вообще «остзейского») образца отпадает, ослабив позиции защитников «остзейской системы». Когда Левшин писал свою записку, эти послед-

¹² ЦГАОР СССР, ф. 722, оп. I, д. 316, л. 12—13.

¹³ ЦГИА СССР, ф. 1180, оп. XV, д. 13, л. 15 об. — 16.

ствия еще не предвиделось. И он не только сам ориентировался на законодательство Прибалтийских губерний, но и настоятельно рекомендовал ориентироваться на него всему дворянству¹⁴.

Министерство внутренних дел в течение года помещало публикации об остзейском законодательстве. В «Журнале Министерства внутренних дел» в № 10 и 12 за 1857 г. вышла большая статья чиновника министерства П. Шульца «Извлечение из законоположений о крестьянах Остзейских губерний» (1858 г. эта работа появилась в Петербурге отдельным изданием). Еще ранее, в № 3 и 6, были опубликованы «Очерки истории эстляндских крестьян», в которых специально выделялось и подробно разъяснялось новое Эстляндское Положение 1856 г. В дневнике чиновника Министерства внутренних дел А. И. Артемьева есть сведения о рассылке министерством, по распоряжению Левшина, предводителям дворянства разных губерний Положений о лифляндских и эстляндских крестьянах и о поездке самого Левшина в конце июля 1857 г. в некоторые из этих губерний — Тульскую, Курскую, Харьковскую, Екатеринославскую (официальный предлог поездки — сбор сведений об урожае и посевах, на деле — подготовка крестьянского вопроса)¹⁵. Левшин в своих «Записках» отмечал, что при составлении рескрипта Назимову использовалось среди других материалов остзейское законодательство, и подчеркивал, что «сам государь указывал на Курляндию как на пример»¹⁶. Хорошо осведомленный о делах министерства и знавший Левшина Ф. П. Еленев (впоследствии писатель-публицист, известный под псевдонимом Скалдин) в своих воспоминаниях писал: «Левшин держался двух основных мыслей: постепенности в упразднении крепостного права, которое, по его убеждению, должно было отменяться в течение многих лет, начиная с западных губерний и понемногу продвигаясь на восток; вторых, он держался начала добровольных соглашений между помещиками и крестьянами относительно повинностей и выкупа, на манер Остзейских»¹⁷.

Заслуживает внимания следующий факт: в июне 1858 г. Императорская публичная библиотека сообщила, что она имеет 108 книг по крестьянскому вопросу, из которых 17 рассматривают крестьянский вопрос в русских губерниях, 18 — частично в русских губерниях и частично в Польше и 73 (!) — в Прибалтийских губерниях¹⁸. В первой половине 1858 г. в ряде журналов появились статьи об освобождении крестьян в Прибалтийских губерниях¹⁹.

В откликах современников на рескрипт Назимову, в речах, поступках и действиях высших сановников — членов Секретного, а затем Главного комитета по крестьянскому делу — проявляется понимание роли «остзейского образца» для начатой правительством подготовки реформы в России. И. С. Аксаков писал после опубликования рескрипта о предстоящем освобождении крестьян: «Сохрани бог, если оно совершится так, как в Литве, т. е. без земли, с выкупом одной усадьбы. Так вот мы и вступаем в кризис: эта важнейшая минута для России. От правильного решения задачи зависит будущее России»²⁰. Тверские либеральные

¹⁴ ЦГИА СССР, ф. 1180, оп. XV, д. 13, л. 16—16 об.

¹⁵ Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ОР ГПБ), ф. 37 (А. И. Артемьева), д. 160, л. 7, 13; д. 161, л. 43 об., 49 об.

¹⁶ Левшин А. И. Достопамятные минуты в моей жизни. Записки Алексея Ивановича Левшина. — Русский архив, 1885, кн. 8, с. 532.

¹⁷ Еленев Ф. П. Первые шаги освобождения крестьян в России. — Русский архив, 1886, кн. 7, с. 363.

¹⁸ Журнал Министерства народного просвещения, 1858, кн. 6, с. 40.

¹⁹ См.: Межов В. И. Крестьянский вопрос в России. СПб., 1865, с. 21—22.

²⁰ Цит. по кн.: Цимбаев Н. И. И. С. Аксанов в общественной жизни пореформенной России. М., 1978, с. 55.

деятели А. А. Головачев и А. М. Унковский в записке, составленной в середине декабря 1857 г. и поданной Александру II, дали критическую оценку основных положений рескрипта и отметили, что пример решения крестьянского вопроса в Остзейских губерниях считают неудачным²¹.

Однако в правящих «верхах» и в среде дворянства, в Губернских комитетах, было гораздо больше защитников «остзейского опыта». Как справедливо отмечает П. А. Зайончковский, проект одного из наиболее видных членов Секретного и Главного комитетов П. П. Гагарина «полностью соответствовал законам 1816—1819 гг., отменявшим крепостное право в Остзейских губерниях»²². Приверженностью к варианту безземельного освобождения крестьян отличались и такие крепостники, как шеф жандармов и начальник III Отделения Собственной его императорского величества канцелярии В. А. Долгоруков, министр государственных имуществ М. Н. Муравьев и сам председатель Секретного и Главного комитетов А. Ф. Орлов, вынужденные смириться с неизбежностью отмены крепостного права. После издания первых рескриптов это направление в правительственной политике стало брать верх. Уже 8 января 1858 г. князь А. С. Меншиков с удовлетворением отмечал в своем дневнике: «Кн. А. Ф. Орлов не сомневается в успехе». 11 января он писал: «Из слов деятелей вижу, что к нашим русским имениям хотят применить положение для эстляндских крестьян 1856 года»²³. В апреле 1858 г. Главный комитет принял «Программу занятий Губернских комитетов», которая на данном этапе подготовки реформы утверждала победу реакционно-консервативных сил в правительстве. То новое, что заключалось в апрельской программе по сравнению с рескриптами, — это значительное расширение компетенции Губернских комитетов, передача им не только подготовки проектов, но и реализации закона, а также продление их полномочий на три периода (вместо одного). Сущность решения земельного вопроса изложена в апрельской программе еще менее ясно, чем в рескрипте, но контекст ее свидетельствовал о том, что возможности безземельного освобождения крестьян после временнообязанного периода возрастали. С введением трех периодов деятельности Губернских комитетов окончательное решение вопроса об исходе срочнообязанных отношений передавалось самим помещикам. Вотчинная власть помещика закреплялась в присвоении ему звания начальника сельского общества. Реформа представлялась на этом этапе в виде 46 Губернских Положений, которые постепенно будут вводиться на местах.²⁴ В противоречиях и столкновениях с молодой либеральной бюрократией консервативно-реакционные силы весной 1858 г. удержали преимущество.

Однако исход этих разногласий в «верхах» и окончательное оформление правительственной программы отмены крепостного права определялись вне стен канцелярий и министерств, как говорили современники, — «силой вещей», как может сказать современный историк, — силой (и одновременно слабостью) складывавшейся в 1858 г. первой в России революционной ситуации. Уже осенью того же года в правительстве наметился поворот к либеральному курсу, который завершился принятием новой программы Главного комитета 4 декабря 1858 г. Конечная цель отмены крепостного права формулировалась как выкуп крестьянами наделной земли в собственность при сохранении помещичьего землевладения, как сосуществование в новых условиях пореформенного

²¹ Цит. по материалам, любезно предоставленным А. Яновским (ОР ГПБ, ф. 73 (Бильбасов В. А. и Краевский А. А.), оп. 1, д. 395, л. 6 об.).

²² Зайончковский П. А. К вопросу о деятельности Секретного комитета по крестьянскому делу в 1857 г. — Исторические записки, т. 58, М., 1956, с. 336.

²³ ЦГАОР СССР, ф. 728 (Зимнего дворца), оп. 1, д. 2538а, л. 3, 4.

²⁴ Сборник правительственных распоряжений по устройству быта крестьян, вышедших из крепостной зависимости, т. 1. СПб., 1861, с. 156—168.

аграрного строя двух типов хозяйства — мелкого крестьянского и крупного помещичьего, с большим преимуществом для последнего.

Среди факторов, подтолкнувших правительство к этому решению в условиях назревавшей революционной ситуации, важнейшими были следующие: растущее напряжение в крестьянстве в связи с ожиданием отмены крепостного права, рост крестьянских волнений и в этой обстановке выступление крестьян в Эстонии в апреле—июле 1858 г.

Волнения крестьян в Эстонии начались в конце апреля 1858 г. в связи с реализацией нового Эстляндского положения 1856 г., недалеко от границ Петербургской губернии. В мае они стали принимать угрожающий характер, а в начале июня уже вспыхнула «Война в Махтра» (участвовало 700—800 крестьян 15 волостей). 3 июня из Петербурга на место событий был послан генерал-майор свиты Александра II, флигель-адъютант Н. В. Исаков. 11 июня Военное министерство сообщило министру внутренних дел о направлении войск в Эстляндию «для усмирения крестьян», а 14 июня об осуждении крестьян полевым судом. Но в конце июня классовая борьба стала вновь обостряться. Во второй половине июля крестьянские волнения приняли новый размах. Всего в течение трех месяцев волнениями было охвачено 100 имений, $\frac{1}{5}$ часть крестьян. Эти волнения и восстание в Махтра произвели большое впечатление на общественное мнение и на правящую бюрократию. 22 июня 1858 г. аугсбургская «Альгемейне Цайтунг» сообщила о событиях в Эстляндии и расценила их как начало всероссийского крестьянского восстания. 29 июня и 3 июля газета поместила корреспонденции из Петербурга о всеобщем замешательстве в «верхах», о пошатнувшемся авторитете «остзейского образца» освобождения крестьян.

Специально откомандированный на место крестьянских волнений Исаков прислал рапорт шефу жандармов от 8 июня 1858 г. и доклад Александру II от 14 июня 1858 г. с кратким обзором обстоятельств и их анализом²⁵. Более развернуто и всесторонне причины волнений крестьян в Эстонии были раскрыты Исаковым в его втором докладе Александру II, поданном в конце сентября 1858 г. Этот доклад заслуживает особого внимания.

Свой доклад Исаков начал с истории подготовки нового положения для крестьян 1856 г., реализация которого и явилась причиной волнений. В 1846 г. правительство по просьбе помещиков Эстляндской губернии «об улучшении быта их крестьян» учредило с этой целью Комитет из представителей дворянства. Однако «дворянство незаметно пришло к стремлению... уступить все или многое на словах, и сохранить все или почти все на деле». Свое заключение о деятельности Комитета Исаков высказал в следующих словах: «В течение 10 лет (с 1846 по 1856 гг.) Комитет занимался таким образом составлением положения, имея главной целью не столько разрешить вопрос, сколько благовидно обойти его»²⁶. Было составлено новое Положение из 1315 параграфов с множеством приложений (одно из них — список 300 латинских названий сортов трав, якобы растущих на лугах Эстляндской губернии, из которых половина, как оказалось, вовсе там не росла). Понять такое законодательство крестьяне не могли, реального облегчения оно не давало. Характеризуя положение крестьян, Исаков отмечал, что освобождение их от крепостного права в 1816 г. без земли «не умеряет зла, но, напротив, усиливает его, предоставляя землевладельцу *de facto* полную над крестьянами власть, слагая с него *de jure* всякую к нему обязанность... без поземельной собственности положение их не улучшится, а дать им

²⁵ ЦГИА СССР, ф. 1286 (Департамент полиции исполнительной), оп. 19, д. 581, л. 23—27 об.

²⁶ Там же, ф. 1180, оп. XV, д. 33, л. 207—208 об.

землю, значит отнять ее от помещиков»²⁷. Исаков доказывал, что «всякое улучшение, не могущее быть переложено прямо на число дней барщинных или на рубли оброка, не могло, конечно, иметь для них никакого смысла»²⁸. Реализация нового положения 1856 г., не удовлетворив этих потребностей и ожиданий крестьян (в поземельной собственности и в действительном улучшении их быта), послужила причиной возникшего недовольства и волнений крестьян Эстляндии — такой вывод делал Исаков о событиях конца апреля — июля 1856 г. Оценивая обстановку в сентябре, уже после подавления крестьянских волнений, он писал: «Крестьяне перестали насильственно выражать свои требования, и происшествия, подобные Махтерскому, не возобновлялись, но вместе с тем, во многих местностях они перестали также работать, упрекая пасторов за объявление им закона, не имеющего никакой силы. Отрицательный протест этот продолжается и до сих пор, несмотря на посылку войск и экзекуции»²⁹.

Исаков заключал доклад общими соображениями о сущности крестьянского вопроса в Эстляндии и его связи с классовой борьбой крестьянства: «В основе всякого законоположения должна лежать правда и без нее никакой закон не может иметь жизни и смысла. Никакие формы хитросплетения не устоят при практическом применении их в жизнь. Сближая происшествия 1804 г. с событиями нынешнего года, много находим в них общего. В обоих случаях беспорядки и непослушания крестьян были прямыми следствиями затронутых поземельных интересов. В первый раз дворянство вышло из затруднения, объявив в 1816 г. личную свободу крестьян, но этим вопроса не решило. Теперь исход делается затруднительнее, ибо вопрос поземельный стоит на очереди и не прикрыт более отговоркой личного равенства. Новое положение не разрешает сего вопроса, а потому останется мертвою буквою и не вразумит крестьян. Остается надеяться, что само дворянство, поняв всю несостоятельность развязки сего гордиева узла, приступит искренно к изысканию мер, кои могут быть единственным разрешением сего важного вопроса»³⁰.

Доклад Исакова развенчал версию о бесконфликтных последствиях отмены крепостного права в Прибалтийских губерниях. По повелению Александра II он стал известен членам Главного комитета как раз накануне поступления губернских проектов и обсуждения на октябрьских и ноябрьских заседаниях Комитета основных положений правительственной программы реформы. Резолюция Александра II на докладе Исакова «весьма замечательно и стоит, чтоб было представлено в Главный крестьянский комитет» свидетельствует о том внимании и значении, которое он придавал происшедшим событиям.³¹ Доклад Исакова должен был произвести тем большее впечатление, что члены Главного комитета в своем большинстве были сторонниками «остзейского образца» безземельного освобождения крестьян. Исаков доказал, что следовать этому образцу опасно.

Исаков был причислен к Министерству внутренних дел членом Земского отдела. Письмо об этом назначении он получил от министра 10 декабря 1858 г.³² Я. А. Соловьев в своих записках пишет, что Исакова рекомендовал для работы в Земском отделе Милютин, отмечая при этом,

²⁷ Там же, л. 210 об.

²⁸ Там же, л. 211.

²⁹ Там же, л. 216 об.

³⁰ Там же, л. 217 об.

³¹ Там же, л. 207.

³² Там же, ф. 1291 (Земского отдела Министерства внутренних дел), оп. 123, 1858 г., д. 10, л. 1 об.

что в это время Исаков вообще «сделался известным своим правдивым отчетом о положении крестьян в Эстляндской губернии»³³.

В фонде Главного комитета в том же деле, где хранится копия доклада Исакова, сразу вслед за ним идет материал о «всеподданнейших» письмах члена Комитета Я. И. Ростовцева. Эта последовательность не лишена внутренней связи и логики. Четыре письма Александру II были написаны Ростовцевым во время пребывания за границей — 17 августа, 3, 4 и 9 сентября 1858 г. Эти письма самого близкого к Александру II из всех сановников, пользовавшегося дружеским расположением и полным доверием царя, свидетельствовали об изменении взглядов и позиции Ростовцева по основным вопросам реформы. Ростовцев, который еще в апреле провел в Главном комитете «Программу занятий Губернских комитетов», в этих письмах заявил себя сторонником освобождения крестьян с надельной землей за выкуп в собственность. Свои письма он начинает с предупреждения, что в решении крестьянского вопроса «повидимому, неважная ошибка может разрастись в громадные последствия», что правительству следует «соблюсти непременно три условия: 1) чтобы крестьянин немедленно почувствовал, что быт его улучшен, 2) чтобы помещик немедленно успокоился, что интересы его ограждены, 3) чтобы сильная власть ни на минуту на месте не колебалась, отчего ни на минуту же и общественный порядок не нарушался». В дальнейшем изложении Ростовцев развивает и конкретизирует эту мысль.³⁴ В осторожности и предусмотрительности Ростовцева, в его предложениях нетрудно уловить связь с тем впечатлением, которое произвели на правящие «верхи» события в Эстонии. Ю. Ю. Какх на основании тщательного текстологического анализа писем Ростовцева выявил влияние крестьянских волнений в Эстонии и докладов о них Исакова на отношение Ростовцева к подготовке реформы.³⁵ Изучение материалов Главного комитета подтверждает эти наблюдения историка и вместе с тем показывает, что те же события произвели неизгладимое впечатление на Александра II, оказав воздействие и на его позицию. Об этом красноречиво свидетельствует запись беседы предводителя эстляндского дворянства графа Кейзерлинга с царем 12 июля 1858 г. в Петергофе. Александр II спрашивает графа: «Все у Вас успокоилось?» Граф отвечает, что инцидент исчерпан полностью, но новые недоразумения не исключены. И здесь речь заходит о причинах этих «недоразумений», в ходе которой царь замечает: «1816 г. дал им (крестьянам — Л. З.) свободу». На это Кейзерлинг отвечает: «Вопрос личный легкий, материальный — сложнее...» И далее царь, убедившись, что именно материальные причины — тяжесть барщины и других повинностей — вызвали взрыв (он даже счел необходимым спросить, не расовые ли антагонизмы лежат в основе волнений), заключает: «Скажите дворянству, что когда оно ошибается, пусть оно открыто это признает и спешит внести поправки в свои предложения. Я ему доверяю по-отечески..., оно должно это делать в его же собственных интересах. Это высшей важности вопрос, чтобы тяжесть барщины не росла».³⁶ По записи беседы явно ощущается, что Александр II примеривал сказанное Кейзерлингу ко всему российскому дворянству. И личный опыт царя, если учитывать и лавину жалоб, которая на него навалилась, когда он был в курортном городке

³³ Соловьев Я. А. Записки сенатора Я. А. Соловьева о крестьянском деле. — Русская старина, 1883, кн. 3, с. 582—583.

³⁴ Скребицкий А. Крестьянское дело в царствование императора Александра II. Материалы по истории освобождения крестьян, т. 1. Бонн-на-Рейне, 1862, с. 912.

³⁵ Какх Ю. Ю. Эстония в общероссийской революционной ситуации, с. 275—277; см.: Духанов М. М. Остзейцы, с. 118.

³⁶ Крестьянские волнения в Эстонии в 1858 г. [Сб. док. под ред. Ю. Ю. Какха]. Док. № 68. Таллин, 1958.

Хаапсалу, сделал его более сговорчивым относительно идеи освобождения крестьян с наделом.

Волнения крестьян в Эстонии именно тогда, когда они произошли (апрель—июль 1858 г.), т. е. в момент наибольшего влияния в «верхах» крепостников, вынужденных смириться с неизбежностью реформы, но только при условии сохранения всей земельной собственности в руках дворянства, принимавших «остзейский вариант» освобождения крестьян за образец, лишили эту реакционную группировку правящей бюрократии уверенности, развенчали ее программные установки, расшатали казавшееся незыблемым ее могущество. Орлов, Долгоруков, Муравьев, Гагарин и их сторонники оказались оттесненными на второй план, и ведущую роль в подготовке реформы стала играть либеральная бюрократия. Сразу после утверждения 4 декабря журналом Главного комитета новой правительственной программы, признавшей выкуп крестьянами наделенной земли в собственность, был закончен и проведен через Главный комитет проект освобождения крестьян Карловки, в основе которого лежала записка Милютин 1856 г.³⁷ 1 февраля он был подписан Александром II, а Милютин приобрел решающее влияние в Редакционных комиссиях, где с марта 1859 по октябрь 1860 гг. были разработаны проекты, составившие с некоторыми изменениями «Положения 19 февраля».

Этот перелом в правительственной политике произошел под влиянием многих факторов. Среди них: растущее напряжение в крестьянстве в связи с ожиданием «воли»; крах «остзейского образца» освобождения крестьян, ставший очевидным после волнений в Эстонии в апреле—июле 1858 г.; деятельность формирующейся революционной демократии, особенно могучее влияние «Колокола»; активизация либеральных сил — оформление программных требований либеральной общественной мысли, либеральное движение в дворянстве, либеральные фракции в дворянских Губернских комитетах; наличие в государственном аппарате феодальной монархии либеральной бюрократии, молодой, энергичной, имеющей свою, буржуазную по содержанию, программу решения крестьянского вопроса, связь этой бюрократии с либеральными общественными силами, с либеральными членами Губернских комитетов. Все эти факторы действовали и влияли на ход подготовки реформы в совокупности, но главным и определяющим было отношение к крепостному праву самого крестьянства, его настроение, его борьба, значение которой многократно усиливалось в представлениях правящей бюрократии и Александра II в связи с опытом прошлых классовых битв крестьянства России и Европы. И в этом ряду существенное значение имели волнения крестьян Эстонии в 1858 г.

Редакционные комиссии признали «остзейский опыт» для России в целом неприемлемым. В докладе Хозяйственного отделения комиссий от 20 июля 1860 г. отмечалось: «Вообще последствия безземельного освобождения крестьян в Остзейских губерниях должны служить полезным уроком для начертания правил об устройстве помещичьих крестьян в других губерниях России, и гораздо благоразумнее будет: при самом освобождении крестьян предотвратить то, что случилось в Остзейском крае...»³⁸. При прохождении проектов Редакционных комиссий через Главный комитет и Государственный совет в конце 1860 — начале 1861 гг. реакционно-консервативные силы вновь предприняли попытку провести безземельное освобождение крестьян по примеру Прибалтийских губерний, представив свой контрпроект. Между либералами и крепостниками шла борьба «за меры и формы уступок», хотя и те и другие отстаивали дворянскую монархию и помещичье землевладение. За под-

³⁷ ЦГИА СССР, ф. 1180, оп. XV, д. 36, л. 1—69.

³⁸ Материалы Редакционных комиссий, изд. 1-е, ч. 12. СПб., 1860, с. 11.

линное освобождение крестьян боролись революционно-демократические силы. Однако нельзя не учитывать и существенного отличия реформ 1816—1819 гг. в Прибалтике от реформы 1861 г., проведенной феодальной монархией. Грабительский характер реформы 1861 г. проявился во многом: и в отрезках, значительно обезземеливших крестьян, и в высоких выкупных платежах, основанных на дореформенном оброке, и в прочих феодально-крепостнических пережитках. Однако реформа 1861 г., сохранив помещичье землевладение, предоставляла крестьянам надельную землю в постоянное пользование с правом выкупа ее в собственность. Реформа 1861 г. была компромиссной, она преследовала (в крепостнической оболочке временнообязанных отношений) общую конечную цель — создание крестьянской земельной собственности при сохранении помещичьего дворянского землевладения, сосуществование в пореформенной России двух типов хозяйства; мелкого крестьянского и крупного помещичьего (с большим преимуществом для последнего).

Представил Ю. Какх

*Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова*

Поступила в редакцию
27/VI 1983

Larissa ZAHHAROVA

EESTIMAA 1858. AASTA TALURAHVARAHUTUSTE TÄHTSUSEST PÄRISORJUSE KAOTAMISE ETTEVALMISTUSELE VENEMAAL

Balti kubermangude talupoegade vabastamine (1816. a. ja 1819. a. reformid) sattus tsaarivalitsuse ja ühiskondliku mõtte esindajate tähelepanu keskmesse 19. sajandi keskel, kui talurahvaküsimuse lahendamine muutus Venemaal mõõdapääsmatuks ülesandeks. Slavofiilid ja liberaalne bürokraatia eitasid võimalust lahendada talurahvaküsimus Venemaal nõnda, nagu oli tehtud Balti kubermangudes, s. t. talupoegade maata vabastamise teel. Seevastu konservatiivid, kes pärast Krimmi sõda olid sunnitud leppima pärisorjuse kaotamise mõõdapääsmatusega, nägid Baltikumi eeskujus eelseisva reformi vastuvõetavat varianti.

Valitsevates ringkondades ja aadelkonnas oli rohkesti Balti kogemuste pooldajaid, kuid ometi võis juba 1858. a. sügisel täheldada valitsuses pööret liberaalsemale kursile. Sellise muutuse tinginud tähtsamaid tegureid olid pärisorjuse kaotamise ootusest kasvanud pinge taluraha hulgas, talurahvarahutuste laienemine ja eesti talupoegade väljaastumine 1858. a. aprillis-juulis. Kolme kuu jooksul oli rahutustest haaratud 100 mõisat ja 1/5 talupoegkonnast. Rahutused Eestimaal ja Maitra sõda mõjutasid sügavalt Venemaal avalikku arvamust ja valitsevat bürokraatiat ning kõigutasid tunduvalt nende positsioone, kes pooldasid talupoegade vabastamist nii, nagu see oli toimunud Balti kubermangudes. Mässulise piirkonda lähetatud kindralmajor N. V. Issakovi ettekanne põrmustas täielikult versiooni, nagu oleks Balti kubermangudes pärisorjuse kaotamine toimunud konfliktideta, ja tõestas, et sealse praktika järgimine on ohtlik.

Rahutused Eestimaal toimusid nimelt siis, kui pärisorjuse pooldajate mõju valitsevates ringkondades oli kõige suurem. Nende rahutuste tulemusel tõrjuti konservatiivid eesotsas A. Orlovi, V. Dolgorukovi, M. Muravjovi ja P. Gagariniga tagaplaanile ning reformi ettevalmistamisel sai juhtivaks liberaalne bürokraatia. Seetõttu erineski 1861. a. reform oluliselt aastail 1816 ja 1819 Balti kubermangudes läbiviidud reformidest. 1861. a. reform oli kompromiss, mis järgis küll üldist lõppeesmärki — talupoegade väikemaomanduse loomist, kuid säilitas seejuures mõisa suurmaavalduse.

*M. V. Lomonossovi nim.
Moskva Riiklik Ülikool*

Toimetusse saabunud
27. VI 1983

ÜBER DIE BEDEUTUNG DER BAUERNUNRUHEN 1858 IN ESTLAND IN DER VORBEREITUNG DER AUFHEBUNG DER LEIBEIGENSCHAFT IN RUSSLAND

Der Einfluß der in Estland 1858 ausgebrochenen Bauernunruhen auf den Verlauf der Vorbereitung der Aufhebung der Leibeigenschaft in Rußland kann in vollem Maße beurteilt werden nur im Zusammenhang mit der Einstellung der herrschenden «Spitzen» zu der Erfahrung der Bauernbefreiung in den Baltischen Gouvernements. In der Mitte des 19. Jh., als die Lösung der Bauernfrage in Rußland zu einer lebenswichtigen, unvermeidlichen Aufgabe geworden war, geriet die Bauernbefreiung im Baltikum (die Reformen von 1816 und 1819) in den Mittelpunkt der Aufmerksamkeit der Vertreter der herrschenden Bürokratie und des gesellschaftlichen Gedankens. Die Slawophilen und die liberale Bürokratie verhielten sich ablehnend gegenüber der Möglichkeit der Lösung von Bauernfrage in Rußland nach dem Beispiel der Baltischen Gouvernements (landlose Befreiung der Bauern). Dagegen betrachteten die Konservativen, die sich (nach dem Krimkrieg) mit der Unausbleiblichkeit der Aufhebung der Leibeigenschaft abgefunden hatten, die «baltische Variante» als annehmbar für die bevorstehende Reform.

Unter den herrschenden «Spitzen» und unter dem Adel gab es bedeutend mehr Anhänger der «baltischen Erfahrung». Jedoch war schon im Herbst 1858 in der Regierung eine Wendung zu einem liberaleren Kurs bemerkbar. Von deren Ursachen sind am wichtigsten folgende: steigende Spannungen in der Bauernschaft durch die Hoffnung auf die Befreiung von Leibeigenschaft; Zunahme von Bauernunruhen; Aufruhr estnischer Bauern im April-Juli 1858. Der letztere umfaßte innerhalb von drei Monaten 100 Gutshöfe und $\frac{1}{5}$ der Bauernschaft. Der «Krieg in Mahtra» und andere Unruhen in Estland beeindruckten tief die Öffentlichkeit und die herrschende Bürokratie Rußlands; die Positionen der Anhänger der «baltischen Variante» gerieten ins Schwanken. Der Generalmajor N. Issakow, speziell ins rebellierende Gebiet abkommandiert, machte mit seinem Bericht die Version zunichte, daß sich die Aufhebung von Leibeigenschaft in den Baltischen Gouvernements konfliktlos vollzogen hatte, und bewies unterdessen, daß die Befolgung einer solchen Erfahrung gefährlich sei.

In Estland hatten die Unruhen zu der Zeit stattgefunden, als in den herrschenden Kreisen von Rußland die Anhänger der Leibeigenschaft am einflußreichsten waren. Gerade infolge dieser Unruhen wurden die Konservativen, A. Orlow, W. Dolgorukow, M. Murawjow und P. Gagarin an der Spitze, in den Hintergrund verdrängt, und die liberale Bürokratie nahm in der Vorbereitung der Reform die führende Position ein. Damit unterscheidet sich die Reform des Jahres 1861 wesentlich von den 1816 und 1819 in den Baltischen Gouvernements durchgeführten Reformen: Sie war ein Kompromiß, verfolgte zwar das allgemeine Endziel — die Schaffung des Kleingrundbesitzes der Bauern, jedoch unter Erhaltung von Großgrundbesitz des Gutshofes.

Moskauer Staatliche M.-V.-Lomonossow-Universität

Eingegangen
am 27. Juni 1983